

СВѢДѢНІЕ О ГУСАРѢ, КАКЪ ЖИВОПИСЦѢ ИКОНЫ СВ. ІОАННА БОГОСЛОВА.

II. А. Лавровскаю.

Г. Пискаревъ, въ статьѣ своей: «Собраніе рязанскихъ надписей» (Записки Императ. Археолог. Общества, Спб. 1856, стр. 294—295), упоминаетъ, между прочимъ, и о надписяхъ на *древкѣ*, находящемся въ монастырѣ Богословскомъ и *отрѣзанномъ*, въ 1700 году, отъ иконы св. Богородицы съ предвѣчнымъ младенцемъ. На одной сторонѣ этого древка, служившаго рукоятью для послѣдней иконы и обыкновенно называемаго *ручкой*, изображено Распятіе Господне, съ обозначеніемъ времени, когда отрѣзано древко; на другой, представляющей ликъ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, читается слѣдующее: «и отъ знающихъ древнихъ честныхъ мужей повѣдываемо, яко писанъ той образъ въ Цареградѣ гусаремъ, наученнымъ св. апостоломъ и евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ, и принесенъ при Великихъ Князяхъ и поставленъ въ обители Богословской. По поставленіи же сего образа творимы были многіе чудеса въ той обители апостоломъ и евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ, и до дне сего многіе притекающіе къ Нему съ теплою вѣрою получаютъ изцѣленіе....» Г. Пискаревъ въ примѣчаніи дополняетъ, что въ надписи *опредѣлительно и точно написано Гусарь, а не Русарь*. Это дополненіе направлено противъ Карамзина который объ иконописцѣ говоритъ: нѣкто Русарь или Гусарь.

Что дѣйствительно должно разумѣть *гусаря*, т. е. пастуха надъ гусями, и что по поводу его жизнеописанія означенной иконы Іоанна Богослова сложилось даже цѣлое сказаніе, извѣстное и въ славянской словесности, доказательствомъ можетъ служить приводимое нами *слово*. Помѣщено оно въ одной полууставной бумажной сербской рукописи прошлаго вѣка, хранящейся подъ № 22 въ Библіотекѣ Общества Сербской Словесности, въ Бѣлградѣ. На 76 листѣ этой рукописи читается:

Слово Іоанна Бѣгослова ради Гусара.

При Цариградѣ близу имат мали градецъ. Тамо беше едно мало дете, именовъ Хѣнаръ *), пасеше гуски; и на врата того града беше написанъ образъ стаго Іоанна Бѣгослова. шнай гусарь—прійде му добръ разумъ и поче си пры томъ писуваты на песокъ образъ Іоанна Бѣгослова. На всакъ день тамо караше (sic?) гускы на близу да пасуть, а шнь да писуеть; на всакъ деиъ писуваше и Бѣгу се молеше, да би научилъ добре да пишеть. Тако писуваше глава шчи, руже и все тело, и паки заграждаше того обрза и писуваше друго. Тако твораше до тры лѣта, писуваше и труждашесе. Въ единый день писуваше гусарь по обичаю своему, приде сты Іоаннъ при него и рече му: любими ли да научиши да пишеть. Рече гусарь: имамъ тры лѣта, радимъ да научимъ да пишеть образъ Іоанна Бѣгослова. Тогда сты написа посланица такова: азъ Іоаннъ Бѣгословъ, иже возлегохъ на чѣтны прѣсы Хрѣсту моему и испихъ чашу въ тайну вечеру, пишу тебѣ Хѣнару тога шрока да го научиши да пишеть покрасны обрзы ѿ тебе. И запечата книта и даде му въ руже и рече му: иди въ Цариградъ, тамо имат царовъ писецъ, именовъ Хѣнаръ, тои пишеть прѣкы палати, и заутра рано да идешь оу ста Софіа и дай му таа посланица и речи му: таа книта послашь ты естъ Іоаннъ Бѣгословъ; и ты иди по него. Тако рече сты и невидимъ бысть. Гусарь сатвори ѡкоже му рече сты, ѡиде оу ста Софіа и даде Хѣнару посланицу и иде по него. Егда прочеть Хѣнаръ посланицу, почудисе какова красота беше написано. Гусарь сказа му ѿ начало, какъ естъ било. Помысли Хѣраръ да го учить, тъкмо завидеше да не станеть свѣршень писецъ. И въ тие дны некои царовъ советникъ поручилъ беше Хѣнару да му напишетъ образъ Іоанна Бѣгослова, и повеле писецъ гусару да триеть бои (краски). Приде Іоаннъ Бѣгословъ и наиде гусара, триеше боа, и рече гусару: что твориши ту? Шнь же рече повелель ми мой учитель да трию боа, хочеть да напишетъ образъ стому Іоанну Бѣгослову. Рече ту сты: встаны и пиши; рече ему Гусарь: како могу писати, не самъ училъ. Рече сты гледай на мене и пиши. Шнь же ѿ страха трепеташе и чудешесе что да сатворить. Сты узе перо и уфати гусарова рука и поче писаты. И написа образъ на даска и изиде и просвѣтисе шнова мѣсто ѡко снѣде. Гусарь

*) Здѣсь, вѣроятно, смѣшано имя Гусара съ именовъ царскаго живописца.

поче да плачетъ и да тужитъ и глаголаше: кои ѿвѣтъ буду ѿвѣштаты учителю моему. Егда прійде писецъ и виде ѿбразъ и почудисе какова красота имаше. Таково чудо сказаше цру: у твоего писца вчера прійде ученикъ, данасъ (сегодня) написа ѿбразъ Іоанна Бгослова и испускаетъ зара ѿко сльде и оумъ члвчески не може да се досететъ, како есть писано и какова красота имать. И принесоме ѿбрана предъ цара. Егда виде црѣ ѿбрана, почудиса на таковою красоту; ради то ѿскрѣбе црѣвъ писецъ и засрами се Едны говореху: учениково писаніе покрасно есть; други говореху масторово покрасно есть. Рече црѣ: да напишетъ масторъ ѿрелъ на стена въ мою палату и ученикъ да пишеть ѿрелъ, и азъ да пушу ѿстребъ, и когѡ ѡрла почнетъ да клѣветъ, тогда вси можемъ да познаемъ кое писаніе покрасно есть. И вси рекоша: право судилъ еси цру. И написаха два орла и масторъ и ученикъ, и пустише ѿстребъ и поче да клѣветъ ученикова ѡрла. Тогда вси позваше, како покрасно е учениково писаніе. Сѣтоле узе црѣ гусара да му писуетъ въ полаты ѡни, а два ѡрла и досѣле стоятъ въ црѣвскы палаты и ѿбразъ стѣго Іоанна Бгослова понесоме го въ црѣвъ стѣго Іоанна Бгослова. Того молитвами Гди Іисе Хрсте помилуй вси православны Хртіаны вѣсегда, нынѣ и присно и во вѣкы вѣкувъ аминь.

Изъ описанія г. Пискарева не ясно, что именно относится онъ къ живописи гусаря: одну-ли икону св. Іоанна Богослова, или вмѣстѣ и образъ пресвятой Богородицы съ предвѣчнымъ младенцемъ? По видимому оба, если сообразить, что онъ признаетъ первую за обрѣзокъ отъ послѣдняго. Приведенное нами слово положительно приписываетъ труду гусаря только икону Іоанна Богослова, на которой только и обозначено званіе живописца. Отсюда позволительно, кажется, возбудить и слѣдующій вопросъ: дѣйствительно-ли древко съ изображеніемъ на сторонѣ Распятія, а на другой Іоанна Богослова, *отрѣзано* отъ иконы Божіей Матери, составляя съ нею прежде одно цѣлое? Не правильнѣе-ли допустить, что оно только *отдѣлено* отъ этой иконы, какъ особая часть, вставленная въ нее уже позднѣе, быть можетъ для того, чтобы служить рукоятью, *ручкой*? Конечно, рѣшить опредѣлительно этотъ вопросъ возможно только при освидѣтельствованіи той и другой иконы.

Не беремся судить, появилось-ли сербо-болгарское сказаніе, какъ переводъ съ греческаго, или составлено оно самостоятельно,

на основаніи распространеннаго преданія. За то едва-ли можно сомнѣваться, что лишь въ силу этого преданія прибавлена славянская надпись на Руси, ежели только образъ въ самомъ дѣлѣ вывезенъ изъ Греціи, и что подъ влияніемъ его тотъ Великій Князь (Іоаннъ III? по взятіи Константинополя Турками?), которому былъ подаренъ, препроводилъ его въ монастырь, основанный въ память св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, какъ въ церкви Іоанна Богослова стоялъ онъ по преданію и въ самой Византіи. Во всякомъ случаѣ, въ настоящемъ дѣлѣ не важны слѣдующіе вопросы: а) гдѣ писанъ образъ Іоанна Богослова; б) когда соединенъ онъ съ иконою св. Богородицы и в) при какомъ В. Князѣ привезенъ былъ въ Россію?

